

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Березин. WEEKEND.

«Понедельник начинается в субботу»

тогда и сейчас 5

История первая. СУЕТА ВОКРУГ ДИВАНА . . . 16

Глава первая 16

Глава вторая 29

Глава третья 40

Глава четвертая 54

Глава пятая 64

Глава шестая 81

История вторая. СУЕТА СУЕТ 96

Глава первая 96

Глава вторая 118

Глава третья 136

Глава четвертая 154

Глава пятая 171

История третья. ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА 195

Глава первая 195

Глава вторая 205

Глава третья 222

Глава четвертая 241

Глава пятая 254

ПОСЛЕСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИЙ 276

Владимир Березин

WEEKEND.

«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ
В СУББОТУ» ТОГДА И СЕЙЧАС

Владимир Березин — писатель, критик, историк литературы и преподаватель. Окончил физический факультет МГУ и Литературный институт. Его исторический роман с элементами магического реализма «Уранотипия» выходил в короткие списки премий «Большая книга» и «Ясная Поляна» 2024 года. Биограф литературоведа Виктора Шкловского, автор книги о нем для серии «Жизнь замечательных людей».

Ныне суббота; в понедельник ваша
тяжба будет доложена и решена; далее
отлагать ее не имею я силы при всем
расположении моем к вам.

*Николай Чернышевский.
Русский человек на rendez-vous*

Повесть братьев Стругацких была напечатана по частям: сперва в 1964 году в сборнике «Фантастика, 1964 год», потом в журнале «Искатель» и, наконец, в следующем, 1965 году появилось первое полное из-

дание. Тут надо оговориться, что структурно к «Понедельнику» примыкает повесть «Сказка о Тройке», увидевшая свет еще через три года.

С тех времен изменилось все — некоторые моря пересохли, реки изменили течение свое, а уж что случилось с государственными границами, пером не описать.

Для чего имеет смысл читать эту повесть в тот момент, когда человечество прожило уже четверть XXI века?

Это главный вопрос для тех книг, что когда-то стали культовыми, и теперь нужно понять, живы ли эти тексты или остались бумажными памятниками.

Во-первых, но не в-главных, чтобы пережить ощущения детства. Это удел стареющих людей, которые если не помнят время 1960-х, то просто жили при советской власти. Это возвращение к прошлому. Югославский, хотя можно говорить и сербский, писатель Милорад Павич в своем романе «Пейзаж, нарисованный чаем» советует: *«...книгу, если от нее ждешь чуда, следует читать дважды. Один раз следует прочитать в молодости, пока вы моложе, как героев, второй раз — когда вошли в возраст и герои книги стали моложе вас. Тогда вы увидите их с обеих сторон, да и они смогут учинить вам экзамен с той стороны времени, где оно стоит»*¹.

Но таких людей, что ворошат старые воспоминания, не так чтобы много.

Во-вторых, среди читателей могут оказаться совсем молодые люди, для которых жизнь семидесятилетней давности не то что неинтересна, но закопана так глубоко, что похожа на события давности двухвековой.

¹ Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем. Перевод с сербского Натальи Вагаповой и Риммы Грецкой. — СПб.: Азбука, 2001. С. 77–78.

Там, где Наташа из «Войны и мира» танцует на балу со Штирлицем.

Эти молодые люди могут читать повесть Стругацких просто как сказку. Хотя мы знаем, что простых сказок не бывает, в них всегда не только ложь, но и намек, а также разные уроки добрым молодцам и красивым девицам.

Но так или иначе, это остроумная сказка, по ее страницам рассыпаны шутки, часть из которых вовсе не привязана ко времени.

В-третьих, человек уже средних лет может обратиться к этому тексту, одновременно получая и читательское удовольствие, и неожиданное знание, дергая за любую деталь повествования как за веревочку. В результате этого незаметного движения ему открывается цвет и запах давнего времени, уклад жизни, ушедшей безвозвратно, но который был сутью существования его родителей, бабушек и дедушек, да и страны вообще. Кто помнит, как проходила денежная реформа 1961 года, как мог выглядеть тогда неразменный пятак? Для героев книги это было повседневностью, а теперь уже почти археология.

Конечно, в этом списке должно было быть «в-четвертых». Четвертый тип читателей братьев Стругацких вне категорий. Это люди, чья жизнь во многом состоит из служения авторам и их творчеству. Они образовали нечто вроде конфессии и могут позволить себе сличать разные версии текстов не часами, а неделями. Споря о деталях, они перечитывают «Понедельник начинается в субботу» (и другие книги авторов) как утреннюю молитву.

Однако таким читателям-читателям никакие советы в предисловиях не нужны.

Как устроена повесть? Лучше сказать, как устроен весь этот цикл Стругацких?

«Понедельник начинается в субботу» состоит из трех частей: «Суета вокруг дивана», «Суета сует», «Всяческая суета».

В первой, вводной части действие происходит (по разным косвенным оценкам) в июле 1962 года.

Программист Саша Привалов попадает на Русский Север. Молодой человек из Ленинграда едет на автомобиле (причем взятом в аренду — это в последующие годы казалось советскому человеку удивительным) и встречает двух людей, которые уговаривают его устроиться на работу в какой-то непонятный институт в маленьком северном городке.

Надо сказать, что местом действия неслучайно выбран Русский Север. Не Сибирь, не горы или пустыни тогда еще советской Средней Азии, а те места, что были с 1960-х годов особым образом в сердце советской интеллигенции. Там, как говорится, прорастала духовность, а удивительная красота природы и нравы местных жителей сами по себе настраивали на ожидание чуда. Именно там, на этом Русском Севере, в городке Соловец, похожем на какой-нибудь Каргополь или на десяток других прекрасных деревянных городков, находится Институт Чародейства и Волшебства.

Первая часть книги посвящена знакомству главного героя с городом Соловцом и сказочным институтом.

Действие второй части (как вычислили те самые адепты творчества Стругацких) происходит в новогоднюю ночь — с 1962 на 1963 год, — и эта часть рассказывает о дежурстве Привалова в момент самого аполического праздника СССР. Новогодняя ночь оборачивается тем, что лаборатории наполняются всеми

своими сотрудниками, поскольку им не так интересно праздновать, а куда интереснее работать.

Третья часть (где герои живут в апреле 1963 года) рассказывает о работе в этом институте и тайне его начальника, кроме того, пародируется фантастическая литература 1960-х (да и нашего времени)... И вообще происходит много любопытных вещей, сталкивающих магию и науку.

Наконец, неформальная четвертая часть цикла — «Сказка о Тройке» — была написана спустя несколько лет и вышла в 1968 году в журнале «Ангара», не самом популярном и известном, но сразу же ставшем библиографической редкостью. Читатели тайно ксерокопировали и множили номера «Ангары», понимая, что повесть не получит одобрения у идеологических контролеров. Эта четвертая (или — отдельная) часть была довольно рискованным предприятием. Мягкий юмор предыдущей книги там уступает место жесткой сатире, направленной против научной бюрократии. Впрочем, не только научной.

Не говоря уже о том, что в названии книги-продолжения упоминается «тройка», и это не гоголевская птица тройка, не русская тройка с бубенцами, а три чиновника, определяющие судьбу чудес. Это слово недвусмысленно напоминало советскому читателю тех времен о «тройках», которые были новацией советской репрессивной системы в конце 1930-х годов. В такие «тройки» обычно входили начальник НКВД района, секретарь райкома и прокурор. Три человека могли по упрощенной процедуре приговорить обвиняемого к расстрелу или длительному сроку заключения. Адвокат не предусматривался, а приговор обжалованию не подлежал. Такие тройки просуществовали с 1937 по 1938 год, и с ними связываются самые мрачные воспоминания о времени массовых репрессий.

А в книге братьев тройка безумных бюрократов не менее безжалостно распоряжается сказочным миром. Свидетелями этого становятся все те же герои «Понедельника...» и пытаются противостоять сказочному безумию. Действие происходит, по крайней мере в одной из редакций, в Китежграде. Как мы знаем, это мифический русский город, который опускается на дно озера, а потом поднимается раз в сто лет. Туда герои отправляются за материалом для своей научной работы. В другом варианте все происходит на одном из бесконечных этажей НИИЧАВО, в сказочном пространстве «Тъмускорпиони», что ассоциировалось у читателей со средневековым городом Тмутаракань на территории нынешней Тамани.

Естественно, издательская судьба «Сказки о Тройке» была трудной, и в полном виде она вышла только в 1987 году в журнале «Смена». Кстати сказать, тираж этого журнала был тогда 1 300 000 экземпляров.

Что еще может получить внимательный читатель от «Понедельника»?

Очень многое: опись мелкой моторики советской жизни. Эта жизнь начала 1960-х — времени больших надежд: происходит освоение космоса, запущены межпланетные станции, половина мира с интересом присматривается к социалистическому пути развития, авторитет СССР необычайно высок.

Одновременно в этой жизни присутствует архаика: колхозные крестьяне не имеют паспортов и привязаны к земле, быт небогат, многое — от еды до одежды — в дефиците. Говорят, что и гагаринскую ракету вез на старт паровоз.

Еще читатель видит жизнь советского научно-исследовательского института. А ведь это удивительный

феномен, сейчас уже вымерший вместе со своими обитателями. Хотя наш научно-исследовательский институт ни с чем не спутаешь, но его замкнутое пространство в каком-то смысле похоже на университет, описанный британцем Клайвом Льюисом в своих романах, и университет в «Заповеднике гоблинов» Клиффорда Саймака, и даже Хогвартс, придуманный Джоан Роулинг. Эта конструкция удивительно продуктивна, недаром ее повторяют не десятки, а сотни писателей. В ней сочетаются рутинная бытовая жизнь, знакомая всякому читателю по его собственной, и магия, сказка, невероятная, но ожидаемая нами с детства.

Есть ограниченное от основного, обыденного мира, пространство. И в нем магия сосуществует с профсоюзным комитетом, сказочные существа — со стенной газетой, волшебники — с интригами, свойственными всякому советскому институту. Да что там, нечто сверхъестественное можно легко сопрячь с любой корпорацией современного толка, где кипит офисная жизнь, в яростных битвах за сокровища не уступающая любому фэнтези.

Оказалось, что это универсальный прием — и он не постарел.

Кстати сказать, прием, который используют авторы — обход героем института во время, казалось бы, скучного новогоднего дежурства, — совершенно прекрасен. Он позволяет авторам показать программисту Привалову (и читателям) виварий со сказочными существами в подвале, пройти по разным этажам, но при этом не увидеть все здание. Разгадка в том, что оно, внешне небольшое, простирается вверх и вниз бесконечно.

Юмор Стругацких, вышучивание бездарностей в науке, с которыми по разным обстоятельствам мы

должны если не мириться, но искать компромисс, не устарел. Поэтому братья придумали профессора Выбегалло, но и придуман он был не совсем: Выбегалло был сделан из академика Лысенко. А тот умел для защиты своих несостоятельных теорий в биологии применять не только академические аргументы, но и подключать к научным спорам любовь вождей к себе. В результате иногда оппонент не только лишался работы, но и начинал изучать генетику в отдаленных местностях нашей страны, одетый в казенный бушлат.

Кроме микрожизни НИИ, в повести «Понедельник начинается в субботу» есть еще и довольно интересная, можно даже сказать философская, проблема.

В какой-то момент читатель понимает, что ему говорят о том, что работать лучше, чем отдыхать. Противопоставление пошлости современной Стругацким жизни: все эти драки за место под солнцем, квартиру и гараж, очереди на покупку мебельного гарнитура, водка и салаты на новогоднем столе находятся на одной стороне, а на другой — процесс научного познания.

У авторов «Понедельника...» есть давняя вещь «Стажеры», написанная в духе настоящих космических путешествий. Герои их нескольких прежних книг путешествуют на космическом корабле, а их героическая жизнь показывается глазами молодого человека, вполне романтика. Его, если бы это не было отдаленным будущим, можно было бы назвать «комсомольцем».

Среди прочего, там есть эпизод (это написано в 1964 году), где сестра космолетчика Юрковского провожает своего брата на космодроме. Она говорит, что это единственный близкий ей человек, который при этом терпеть ее не может, потому что думает лишь о работе. Все эти люди работают, совершают подвиги, строят, делают открытия, но не живут. Она спрашива-

ет другого космолетчика, знает ли он, зачем это все? Тот говорит, что понимает, но женщина продолжает рассказывать. Она беседовала со школьным учителем, который учит детей, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И от этой идеи ей страшно.

Космолетчик думает, что ей не понять чудесный миг открытия. Ее собеседник успешно побеждает в споре, примерно так же, как романтик на словах побеждает мещанина. Про себя он думает: «Да что ты понимаешь», «Ты гашишь свой разум», и выходит, что естественно сочувствовать этой коммунистической романтике. Но потом следуют слова о том, что когда подступают старость и одиночество, оказывается, что зеркало и флаконы с духами выглядят примерно так же, как никому не нужные книги и ненужные камни с ненужных планет. Телефон молчит, и ничего, ничего впереди.

Советский читатель вполне искренне сочувствовал этой коммунистической романтике. Но на взгляд внимательного читателя из XXI века этот спор оказывается не однозначен.

Пожертвовать жизнь идее — научной, политической или еще какой-то — вовсе не гарантия того, что эта жертва будет оправданной. И чем виноваты домашние, когда их суббота и воскресенье оказываются жертвами общественного понедельника. Уже и в 1960-е годы бросить в топку производственной или научной необходимости все личное было не очень почетным выбором. Кстати сказать, в те времена суббота была рабочим днем. Только 7 марта 1967 года ЦК КПСС, Совет министров СССР и Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) приняли постановление «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями».

Так что пафос, с которым понедельник съел воскресенье, вовсе не так забавен и привлекателен, как можно подумать. Веселая картина мира, где люди, покинув семейное новогоднее застолье, приходят на работу, чтобы разными способами лабораторно познавать мироздание, пусть даже сказочное, трещит по швам.

Выбор между человеческими отношениями и исполнением своего предназначения вообще вне времени, вне политической и исторической ситуации. О нем нам рассказывали еще античные авторы, это, как говорится, вечная проблема.

Если бы все решали ее в пользу работы, то, может, и не было бы на свете того читателя средних лет, сейчас читающего неспешно и внимательно повесть братьев Стругацких.

Но он, этот читатель, живет на свете и имеет возможность еще раз прикоснуться к миру своих родителей, дедушек и бабушек, которые существовали в том пространстве, что называлось советской наукой. Он может всмотреться в этот исчезнувший мир, о котором ему рассказывали в фильмах вроде «Девять дней одного года», книгах, похожих на «Иду на грозу» Даниила Гранина или повести «Кафедра» и «На испытаниях» И. Грековой.

Сказка парадоксальным образом оказывается более доходчива, а наблюдения — тоньше.

И наконец, «Понедельник начинается в субботу» просто смешная книга, полная иронии, которую можно читать, не отвлекаясь на культурологические и прочие аллюзии. Там Баба-яга заведует музеем, ученый кот-склеротик постоянно забывает свои истории, жулики от науки отмечены тем, что у них на ушах растут волосы, время для близнецов течет в разные стороны, а вокруг — Русский Север и уверенность в завтрашнем дне.

Но что страннее, что непонятнее
всего, это то, как авторы могут брать
подобные сюжеты, признаюсь, это уж
совсем непостижимо, это точно... нет,
нет, совсем не понимаю.

Н. В. Гоголь

История первая СУЕТА ВОКРУГ ДИВАНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Учитель: Дети, запишите предложение:
«Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая
рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодетель! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполне приличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсохло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и пред-

ложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка randevu».

Впереди я увидел большую россыпь камней, при тормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Россыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал бородатый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! — воскликнул